

Человек неполноценный. Дефицитарный характер отношения к себе и раннехристианские практики на примере работы М.Фуко "Les aveux de la chair"

Научный руководитель – Кузнецов Василий Юрьевич

Мухамеджанов Станислав Олегович

Выпускник (специалист)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра онтологии и теории познания, Москва, Россия

E-mail: coolfactor86@gmail.com

Книга М.Фуко, изданная в январе 2018 года под названием «Histoire de la sexualité 4. Les aveux de la chair», дает детальное представление о характере властных отношений и продуцируемом ими образе человека в условиях зарождения монастырских учреждений в период раннего христианства I-IV веков. Тема признания (l'aveu) является одной из центральных для «Истории сексуальности 1». Будучи изначально инструментом пасторальной власти и вследствие диффузии, через педагогику XVIII века и медицину XIX века, признание получило применение и в других сферах как центральный элемент в технологии власти/знания. Поэтому в 4 части «Истории сексуальности» следует видеть продолжение генеалогического проекта М.Фуко и раннюю историю признания, понятого как технология власти.

Раннехристианские практики крещения, подготовки к крещению, второго покаяния, институциональные особенности монастырской жизни в ее отличии от мирской жизни и жизни воцерковленных, анализируются по трем основным осям: (1) Ось отношения к себе. Имманентное измерение, в котором индивид встаёт в познавательное, аффективное и деятельное отношение к себе. (2) Ось отношения к другому. Внешнее отношение в условиях институционально упорядоченной практики с набором присущих ей инструментов дисциплинарного воздействия. (3) Ось производства знания/истины о человеке. Истина является не просто продуктом познания, но также оператором властного воздействия и контроля.

На каждой из сторон этого треугольника возникают эффекты взаимного усиления и обусловливания: (1) *ключевой особенностью имманентного плана становится его дефицитарный характер*. Власть действует через формирование сложного образа, в котором человек предстает самому себе неполноценным. В этом «кривом зеркале» ему возвращается искаженный образ собственной природы, которая не может обойтись самой собой. (2) Это отраженное дефективное Я требует поэтому перманентной опоры на институционально заданный порядок внешних взаимодействий с другим, в ходе которого оно получает свое закрепление, но и само в свое очередь усиливает этот порядок. (3) Комплекс знание/познание/истина понимается здесь как бесконечная последовательность актов признания, вынесения на свет истины о себе самом и своей неполноценности. Акт признания является в одно и то же время актом манифестации, аутентификации и верификации (неологизм «véridiction», с помощью которого Фуко противопоставляет эти акты актам юридического типа - «juridiction»).

Дефицитарный характер самоотношения является существенным для понимания разницы между раннехристианским образом человека и теми способами его осмысления, которые были свойственны философскому дискурсу античности и римско-эллинистической эпохи: этика победы над собой (*γκράτεια*) и этика автономии философского мудреца уступают место «герменевтике внутренней порочности» (термин наш).

Структурообразующими элементами собственной неполноценности становятся две основные силы, во взаимодействии с которыми разворачивается имманентный план отношений к самому себе. При этом ни одну из этих сил человек не способен уравновесить. Такими силами являются Бог и Сатана.

С первым человек вступает в отношения вечного и неискупимого долга: свободное произволение Бога не может быть ограничено, даже если выполняются все условия благочестивой жизни. Принципиальная асимметрия этих отношений задает неизбежно неавтономный характер отношения к самому себе: Я никогда не могу рассчитывать на милость Бога, ибо рискую впасть в грех самомнения и гордыни (*orgueil/présomption*) как раз в тот момент, когда сочту вопрос своего искупления решенным.

Второй же противодействует благочестивым устремлениям, прячась в тех складках души (*les replis de l'âme*), в том внутреннем и темном её измерении, которое оказывается местом порочности *rag excellence* и в то же время придаёт душе опасную глубину. Никакая мысль, никакой импульс воли, никакое представление или фантазия, даже если они мотивированы благочестивыми соображениями, не дают точного свидетельства своего происхождения.

На экспликацию именно этой гетерономии направлена практика самонаблюдения (*l'examen de soi*) и обязательно сопутствующая ей практики институционального закрепления: практика признания (*l'aveu*) и практика послушания (*l'obéissance*). Практика признания является одновременно и отношением к другому (наставнику), и манифестацией-аутентификацией истины о себе.

Дефицитарное отношение к себе имеет и аффективную составляющую. Так, ядром ритуала крещения с точки зрения вовлечения индивида является переживание раскаяния. В случае с ритуалом подготовки к крещению доминантой становится страх - *metus* - перед Дьяволом, страх перед Богом, страх из-за собственной немощи. В случае со вторым покаянием (*la seconde pénitence*), аффективное отношение к собственной греховности получает выражение в целой драматургии публичных, жестикульных и невербализованных форм покаяния и сокрушения, которые удостоверяют глубокое и действительно затронувшее душу грешника раскаяние.

Таким образом, в общем случае речь идет о такой технологии властного захвата, действие которой зиждется на вынесении локуса контроля вовне, на «разбалансировке» автономии человека, на формировании системы внешних противовесов, которая задаёт новый баланс. Сознание собственной неполноценности и недостижимый императив её преодоления становятся тем неисчерпаемым ресурсом, с помощью которого человек становится сообщником власти в деле подавления человека. Раннехристианские практики покаяния, крещения, подготовки к крещению, второго покаяния, монастырские практики послушания и руководства, самонаблюдения и признания составляют одновременно предысторию современных диспозитивов управления человеком и момент принципиального разрыва с более ранними формами субъективации, которые были сформированы в греко-римскую эпоху.